

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

(По поводу книги Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.—VIII в. н. э.)»)

А. А. АКОПЯН, доктора ист. наук П. М. МУРАДЯН,
К. Н. ЮЗБАШЯН (Ленинград)

Сложность проблемы цивилизации Кавказской Албании обусловлена тем обстоятельством, что сведения первоисточников о населении Албании носят на первый взгляд противоречивый характер. Античные и ранние армянские источники под терминами «Албания» и «албанцы» обозначают страну и ее население к северу от нижнего течения реки Куры, а южный берег Куры политически и этнически безоговорочно включают в понятие «Армения». Несколько позже армянские авторы употребляют один и тот же термин для обозначения как собственно албанских областей левобережья Куры, так и двух северо-восточных провинций исторической Армении—Утика и Арцаха на правом берегу, которые после упразднения Сасанидами царства Великой Армении были включены ими во вновь образованное Албанское марзпанство Сасанидской державы. Дифференцированный подход к семантике терминов «Албания» и «албанцы», определение их реального содержания для различных эпох в категориях и понятиях современной науки имеет первостепенное значение. Но представление отдельных исследователей о Кавказской Албании, к сожалению, далеко от адекватного отражения древней действительности. Это создает почву для возникновения умозрительных концепций, отмеченных тенденцией модернизировать древнюю и средневековую историю Закавказья, представить Албанию в качестве цивилизации, во всех компонентах и во все эпохи по крайней мере равной двум другим цивилизациям региона—армянской и грузинской.

Монография Ф. Мамедовой являет собой именно такую попытку освещения албанской цивилизации. Согласно основной идее работы, Кавказская Албания являлась монолитной политико-географической единицей, расположенной не только на левобережье, но и на правом берегу реки Куры, охватывая провинции Утик, Арцах, Пайтакаран и Сюник (включая гавары Нахчаван и Гохти), а ее население, сложившееся в этнос под этнонимом «албанцы» по крайней мере в III в. до н. э., жило единой политической и культурной жизнью, сохраняя свою этническую самобытность (лишь частично подвергаясь только культурно-идеологической ассимиляции), до позднего средневековья¹. Таким образом, все четыре восточные провинции исторической Армении объявляются областями Кавказской Албании, их население—албанцами, их культура—албанской.

Основное положение этой концепции—тезис о существовании единого албанского этноса—Ф. Мамедова предпочитает не рассматривать в особом разделе, а провести как бы вскользь, в позитивных тонах, не акцентируя его проблематичность. Поэтому она настаивает на наличии албанского этноса в главе «Источники

¹ Если не до 1836 г., когда Гандзасарский («Албанский») католикосат был упразднен, а его епархии— непосредственно подчинены юрисдикции Эчмиадзинского («Армянского») католикосата. Специально отмечая это событие (с. 238—239), Ф. Мамедова все же воздерживается от конкретизации процесса арменизации «албанцев» правобережья Куры, происшедшей, по ее идее, чуть ли не на наших глазах.

и историография» (с. 11, 18, 38—41, 61—72, 77—82)² и путем полемики с учеными, по мнению которых такой этнос не сложился, а термин «албанцы» всегда оставался собирательным наименованием населения политико-административных единиц с названием «Албания»³. Такой способ позволяет автору обойти конкретные факты и основанные на них наиболее конкретные доводы своих научных оппонентов. Каковы же они?

а) До образования Албанского царства на левобережье Куры (в самом начале I в. до н. э.) его население, согласно сообщению Страбона (XI, 4, 6), состояло из 26 племен, каждое из которых имело своего царя и говорило на своем языке.

б) На востоке Албанское царство простиралось до Каспийского моря (от Куры до Дербентского прохода), и многочисленные античные источники упоминают на этом берегу «албанцев». Но в начале III в. н. э. из состава царства вышла вся восточная, приморская сторона, после чего, упоминая многочисленные племена отделившейся территории, источники уже никогда не называли их «албанцами». Из этого следует, что до III в. н. э. в пределах царства «Албания» не произошло консолидации многочисленных племен в этнос, и каждое племя сохранило свой отдельный эндоэтноним (самоназвание).

в) К концу V в., с административным укреплением сасанидского марзпанства «Албания», в состав которого были включены, кроме Албанского царства (упраздненного только в 462 г.) и небольших царств горских племен на территории восточной половины античной Албании (упраздненных тогда же), также и две северо-восточные провинции бывшего царства Великой Армении на правобережье Куры (Утик и Арцах), хороним «Албания» был перенесен и на правобережную территорию марзпанства и принят ее армянским населением в качестве названия своей страны. И уже в конце века Мовсес Хоренаци трактует оба названия страны (армянское «Алуанк» и иранское «Аран») на основании правобережных, армянских реалий. Первое наименование он связывает с прозвищем легендарного прародителя сунийских князей (внука легендарного прародителя армян Хайка) Сихака «Алу» (по-армянски—«кроткий», «мягкий» и т. д.), а второе—с именем первого, также легендарного наместника северо-восточного наместничества Армянского царства в междуречье Куры и Аракса («от реки Ерасх до крепости, которая называется Хнаракерт») Арана, также потомка Хайка⁴. А это показывает, что и к концу V в. на левобережье Куры не было единого этноса, термин же «албанцы» оставался собирательным названием населения «Албании», политонимом (то есть не стал этнонимом).

² Здесь и далее страницы книги Ф. Мамедовой указываются без упоминания автора и названия. Ссылки на античные источники даются по принятым сокращениям, а на тексты армянских источников—с указанием только года издания. В цитатах везде подчеркнуто только нами.—А. А., П. М., К. Ю.

³ См.: С. Т. Еремян. Политическая история Албании III—VII вв.—В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 327; Т. Г. Папуашвили. Вопросы истории Эрети... Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тбилиси, 1971, с. 6—7; А. П. Новосельцев. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период—Кавказ и Византия. вып. 1. Ереван, 1979, с. 18; Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. с древнеармянского, предисл. и комм. Ш. В. Сябятяна. Ереван, 1984, с. 6, 18, 176—177; А. А. Акопян. Термины «Албания» и «албанцы» в греко-латинских и древнеармянских источниках (Семантический анализ). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1984, с. 7, 10.

⁴ *История Грузии, 1913, II, 8, 113*. В литературе получила определенное распространение гипотеза К. В. Тревер, согласно которой «Аран» Мовсеса Хоренаци является прародителем, эпонимом *собственно албанцев* (К. В. Тревер. Очерки

влиянием этой уже укрепившейся административной системы в армянских источниках сложилась новая территориальная семантика терминов «Алуанк», «Хайк» и «Вирк»: они стали обозначать соответствующие марзпанства⁶.

В начале VI в. резиденция албанского марзпана была перемещена из Чора во вновь построенный город Партав, то есть с левобережья Куры была смещена на правобережье. В 552 г. из Чора в Партав была перемещена и резиденция албанского католикоса. В начале VII в. сформировались институты «князей» Армении, Иверии и Албании, воплотившие в себе относительную автономию христианского населения марзпанств в нехристианской державе Сасанидов (впоследствии и в Халифате). Резиденция «князя Албании» также находилась на правобережье Куры, в Партаве и Гардмане.

В результате отмеченных перемещений политический, духовный и культурный центр марзпанства оказался в среде правобережного, армянского населения «страны Албании», которое почувствовало себя полновластным хозяином этой страны. На базе всего этого складывается весьма характерная для этнодисперсных групп средневековья (отделенных от основной части этноса политико-административными границами) черта самосознания, которую мы называем «албанским мировоззрением» армянского населения Албании. Его характеризуют следующие воззрения армян правобережной Албании⁷: а) определенное пейоративное отношение к левобережному, собственно албанскому населению марзпанства как к неким «неалбанцам»; б) мнение, что их страна, правобережье Куры, называлась «Албанией» всегда (а не с 428 г.); в) определенное противопоставление своих князей и церкви (как «албанских») соответствующим институтам Армянского марзпанства (как «армянским»).

Последняя сторона так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения Албании является результатом определенной стадии развития общественных отношений. В первоначальном виде она появилась только в «Истории 684 года», а своего апогея достигла в IX—X вв., в эпоху политической раздробленности и феодальных распрей. Одной из целей возникшего в конце IX в. армянского царства Багратидов было воссоединение всех собственно армянских областей, почему и было реставрировано старое (арташесидских и аршакидских времен) название государства—«Великая Армения». Первоначально Багратидам удалось довести свои восточные границы до Партава. Однако вскоре их царство распалось на отдельные феодальные владения во главе как с Багратидами, так и с другими армянскими княжескими родами. Откликом на центробежные стремления влиятельных феодалов различных областей Армении являлись программные исторические сочинения, восхвалявшие соответствующие феодальные роды и настаивавшие на их праве суверенного царствования⁸. В своей борьбе за «свободу» от Багратидов и поддерживавшего их объединительную политику армянского католикосата

⁶ Отметим важный момент: согласно армянскому языковому мировосприятию, эти и подобные термины с указателем множественности к (թ) не только однократно, но и одновременно означают и определенную территориальную единицу, и ее население, именно как таковое.

⁷ Эти воззрения нашли отражение в источниках Мовсеса Дасхурани и у самого историка. В числе его основных источников есть три относительно пространные исторические сочинения, которые созданы в правобережной Албании и дословно переписаны в ИА. Это—«Повесть (или Роман) о царе Вачагане» (II пол. VI в.), «История католикоса Вироя» (630—632 гг.) и «История 684 года». О них см.: К. А. Каграманян. Источники «Истории страны Агванк». Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1973, с. 15—22; А. А. Акопян. Указ. соч., с. 11—15. Ср.: Ն. Աղաբաբյանի հարցն ու շ. Կարողան շատանն.—«Անախիտ», 1938, № 13, էջ 86—87.

светские и духовные владыки правобережной Албании имели весьма мощное подспорье: их области входили в состав «страны Албании», и это было зафиксировано в пятнековой традиции. Мовсес Дасхуранци именно в эту эпоху⁹ предпринял попытку создать всеобъемлющую историю «Алуанка», то есть «Албании» и «албанцев», представив ее как историю отдельной страны со своим народом, чтобы подтвердить право светских и духовных феодалов армянского правобережья Куры властвовать в «своей» стране в царском и патриаршем величии—так, как Багратиды и армянские католикосы властвуют в «Армении».

Для выявления этнической картины интересующего нас региона изучение ИА имеет первостепенное значение. Выходя из армянского правобережья Куры Мовсесу Дасхуранци удалось собрать доступные ему отрывки из сочинений других армянских авторов, упоминающих «Алуанк» и его правобережные и левобережные области, добавить имевшиеся под рукой документальные материалы и различные легенды¹⁰, связанные исключительно с правобережными святынями, немного видоизменить их¹¹, расположить все это в хронологическом порядке и, явно подражая Мовсесу Хоренаци (написавшему историю «Хайка», то есть «Армении»

и «армян», от Адама до V в.), изложить историю «Алуанка», начиная с легендарного первого человека до своего современника, царя «Албании» (Парисооа) Йовханнеса-Сенекерима. И все это вне какой-либо связи с собственно Албанией, ее племенами и языками, хотя историк считает левобережье Куры неотъемлемой частью «страны Албании». Являясь ярким носителем так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения Албании, Мовсес Дасхуранци всей своей культурно-идеологической преемственностью, особенностями историографической школы, источниковой базой и, конечно, языком остается в культуре армянского средневекового этноса. Этими же моментами, с другой стороны, определяется истинное этническое лицо Албании X в. в современном научном понимании.

Автор ИА представляет центром своей страны правобережные области и для обозначения левобережного, собственно албанского населения употребляет различные пейоративные эпитеты. Своих современников, князей Араншахиков (ставших к тому времени уже царями), по-видимому, в силу их неприкосновенных убеждений, Дасхуранци продолжает возводить к легендарному прадеду армян Хайку. Говоря о своем народе, применяя при этом притяжательное местоимение

⁹ В настоящее время можно говорить об относительно точной дате написания ИА между 982—988 гг. (И. Հ ա ՛ ՛ ո ՛ ՛ յ ն. Մոզես Կասխանացու «Աղվանից պատմութիւն» ձեռագրերը.—«Բանբեր Ստանկարանի», 15, Երևան, 1986, էջ 142—143).

¹⁰ Самой важной для историка была легенда об апостоле Елишае, возникшая в VII в. (впервые имя Елишае сообщает «История 684 года»). В ту эпоху Албанская церковь начала доказывать свое полное равноправие с Армянской церковью, уже объявившей себя патриаршеством. Подобно многим церквам, стремившимся к полной автокефалии, она стала возводить себя к Иерусалиму и вымышленному апостолу. Эта тенденция была осуждена при армянском католикосе Елии и албанском католикосе Симэоне Партавским собором 704 г., который подтвердил за армянским католикосом традиционный статус «первого среди равных». В X в. Мовсес Дасхуранци снова всеми средствами настаивает на апостольском происхождении своей церкви и на ее полном равноправии с Армянской. Его вполне можно понять. Но невозможно понять Ф. Мамедову, которая в XX в. на основании такой легенды серьезно рассматривает вопрос об апостольском этапе христианизации Албании, настолько серьезно, что даже оспаривает пальму первенства обнаружения этого этапа у Р. Геюшева (с. 60—61, 65, 77, 91, 111, 217, 221—226, 242).

¹¹ Не всегда удачно, ибо нередко это становится фальсификацией документов, конечно, если относиться к данному явлению с современными (а не средневековыми) критериями подхода к источникам.

другие, прибывшие из *Албании*¹⁶. Согласно императору Константину Багрянородному, официальные письма византийцев к князьям Хаченским и Севорднским (на правом берегу Куры), так же как и к другим армянским князьям X в., адресовывались «в Армению»¹⁷. Арабские авторы этой же эпохи называют армянских князей *Албании* (Аррана) именно «армянскими батриками»¹⁸. В то же самое время, Пс. Захария Ритор, рассказывая о пяти закавказских странах, сообщает, что «Аран» населяет верующий народ со своим языком¹⁹, имея в виду, несомненно, собственно албанцев. Арабские географы X в. сообщают, что в «Арране» употреблялся арранский язык²⁰, имея в виду, конечно, язык собственно албанского населения.

Основываясь на проделанном выше анализе источников и на теоретических положениях, выработанных в советской этнографической науке²¹, представляется возможным конкретнее поставить вопрос об этнических процессах, протекавших в Восточном Закавказье с античного периода до XI—XIII вв., до эпохи появления в регионе в широких масштабах тюркоязычного этнического массива.

Как было показано вначале (с. 167—168), в Албанском царстве не произошло консолидации 26 племен в единый этнос, и политоним «албанцы» оставался их собирательным названием (как современные политонимы «индийцы», «югославы», «дагестанцы» и т. д.). Но важно сознавать, что почти шестивековое функциониро-

¹⁶ См.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 166—167.

¹⁷ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae Byzantinae. Vol. II. Вонпае, 1829, р. 687—688.

¹⁸ См.: З. Буниатов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 311, 324, 325, 329. Ср. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963, с. 214.

¹⁹ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., с. 165.

²⁰ Написавший свое сочинение в 930 г. ал-Истахри, к которому восходят сведения ибн Хаукаля (977—978) и ал-Мукаддаси (985), сообщает, что, кроме персидского и арабского языков, употребляемых населением Азербайджана, Армении и Аррана, в стране *Дабилы* (Двина) говорили на армянском, а в стране *Барда'а* (Партава)—на арранском языках (см.: СМОМПК, вып. 29, ч. I, Тифлис, 1901, с. 29). У ибн Хаукаля в соответствующем месте говорится «жители Дабилы ... /и/ ... Барда'а»; а у ал-Мукаддаси—«в Армении, /и/ ... в Арране» (см.: СМОМПК, вып. 38, ч. I, Тифлис, 1908, с. 12, 100). Не вникая, как нам представляется, в текст ал-Истахри—первоисточника информации, исследователи, как правило, полагают, что по-аррански говорили в X в. преимущественно жители Партава и его окрестностей (J. Margnart. Etänsahr nach der Geographie des Ps. Moses Korenaci. Berlin, 1901, S. 117; С. Т. Еремян. Указ. соч., с. 305; К. В. Тревер. Указ. соч., с. 310; В. Ф. Минорский. Указ. соч., с. 29). Конечно, под термином «страна Барда'а» следует понимать не район Партава (как неверно был понят текст ал-Истахри ибн Хаукалем), а весь Арран (как правильно понял свой источник ал-Мукаддаси), названный так по своему административному центру (подобная терминология свойственна и другим арабским авторам). Решить же вопрос, все ли население Аррана или только отдельных его районов говорило по-аррански, можно лишь путем анализа совокупности известных нам данных. То есть мы полагаем, что фраза арабских авторов «в Армении—по-армянски, в Арране—по-аррански» не может быть основанием для категоричных суждений. Нельзя же из фразы «в Англии говорят по-английски, а в Уэльсе—по-валлийски» заключить, что в Уэльсе нет англичан. Учитывая весь материал, носителей арранского языка следует идентифицировать с населением левобережья Куры.

²¹ См.: Ю. В. Бромлей. Очерки теории этноса. М., 1983, особенно см. с. 233—243.

вание царства на левобережье Куры должно было способствовать какой-то консолидации населявших его племен (большая часть которых, кстати, восходила к праиндоевропейской этнолингвистической основе), установлению определенных общностей в политическом самосознании, в духовной культуре. То есть весьма вероятно существование на левобережье Куры некоей метаэтнической политической общности²², обладавшей определенной перспективой (правда, не осуществившейся) консолидироваться в этнос. Все это позволяет специалистам говорить о «/собственно/ албанцах», «/собственно/ албанской цивилизации» и подразумевать отмеченную метаэтническую общность под термином «албанцы» в античных и ранних армянских источниках.

Административное укрепление Албанского марзпанства Сасанидской державы способствовало сложению единой политической, экономической и культурной жизни в «стране Албании» от Аракса до Дербента и межэтнической интеграции ее армянского и собственно албанского населения. И в то же время выявились предпосылки к альтернативному противопоставлению культуры собственно албанских племен левобережья и весьма однородной культуры армянского правобережья Куры, причем будущее оказалось за правобережьем. Смещение политического и духовного центра Албании на юг, признание армянского языка единственным официальным языком албанского католикосата²³, этнокультурная и языковая разобщенность собственно албанских племен привели к сокращению сфер функционирования литературного албанского языка²⁴, к консервации и так уж пассивного процесса консолидации собственно албанской этнической общности и к широкому восприятию левобережным христианским населением армянской культуры правобережья. Начавшаяся же в период арабского владычества мусульманизация части собственно албанских племен окончательно остановила процесс их консолидации. Впредь они развивались только под своими племенными этнонимами-оаоназваниями (эндоэтнонимами), подвергаясь влиянию христианских армянской и грузинской и мусульманских арабской и персидской культур. С этих пор можно говорить не о собственно албанской цивилизации, а лишь о культурах ее наследников.

²² О термине см.: С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности.—В кн.: Расы и народы, вып. 6, М., 1976, с. 15—41.

²³ Официальными языками албанского католикосата в капалакский и чорский периоды были албанский и армянский. Функционирование первого в этой роли доказывается как сведениями нарративных источников (Левонд сообщает о существовании албанского перевода евангелий, а в «Книге посланий» имеется сведение о наличии резолюции Двинского церковного собора 506 г. и на албанском языке), так и общими положениями (албанское письмо могло быть создано в первую очередь для удовлетворения церковных нужд). Функционирование в этом же амплуа армянского языка доказывается как конкретным материалом (наличие в Иерусалиме надписи албанского царя Есвалэна на армянском языке), так и фактом культурного влияния Армении на Албанию и статусом «первой среди равных» Армянской церкви по отношению к Иверской и Албанской (как следствие этого — рукоположение в Армении епископов Албании, культурное движение эпохи Маштоца и т. д.). Прекращение функционирования албанского в качестве *официального* языка Партавского католикосата видно из анализа программных документов Албанской церкви второй половины VI в.—«Повести о Вацагане» и «Алуэских канон», в которых возвышается правобережный духовный центр «страны Албании», а капалакский и чорский периоды вовсе замалчиваются.

²⁴ После середины VI в. в течение ближайших веков литературный албанский язык продолжал еще функционировать в собственно албанских христианских общинах в качестве языка местной церковной службы. На левобережье Куры сохранились 8 надписей на этом языке. Говорить о других сферах его функционирования кажется не приходится.

С другой стороны, судя по данным ИА, эпоха усиления центробежных стремлений способствовала укреплению во всяком случае в некоторых кругах правящих классов Утнка и Арцаха так называемого «албанского мировоззрения», превращению его в «самосознание» армянского населения Албании. Последнее характеризуют абсолютизация понятий «Албания» и «Армения» вплоть до антитезы «мы»—«они» и склонность к употреблению своеобразных самоназваний «восточные» и (в меньшей степени) «албанцы»²⁵. Одновременно следует учесть, что этот процесс происходил параллельно с межэтнической интеграцией (хотя и сегрегационной) правобережного армянского и левобережного собственно албанского христианского населения. Сам Мовсес Дасхуранци уже склонен представить это население в качестве единой общности. Исходя из сказанного, перспективу образования политико-конфессиональной метаэтнической общности «албанцы» или «восточные» (на армянской этнокультурной основе) и ее превращения в новый, производный от армянского этнос (этническая сепарация), возможно, следует считать реальной²⁶. Имеющиеся факты позволяют с уверенностью говорить только о том, что такой перспективе не суждено было осуществиться. Ослабление, распад и упразднение царства армянских Багратидов, сельджукское завоевание и ослабление политической власти армянских светских владык в Армении и Албании привели к утиханию феодальных распрей и жидившихся на них этноразделительных моментов. И уже источники XII в. свидетельствуют о том, что при бытовании традиционных терминов «Армения» и «Албания», соответствующих епархиям двух католикосатов, этнополитическая общность населения полностью осознавалась как в Армении, так и в Албании²⁷.

Таким образом, анализ этнических процессов в древней и средневековой Албании показывает, что ни во время существования Албанского царства, ни после

²⁵ В этом аспекте очень характерно, что Мовсес Дасхуранци, переписывая текст Пилона Тиракаци о восхождении народов к тем или иным потомкам Ноя, где армяне возводятся к внуку Иафета Торгому (Тогарме у Ипполита), считает необходимым добавить и «албанцев», причем—там, где говорится о *другом* внуке Иафета—Китии (в ИА—Китур: I, 2, с. 4—5). Правда, выбор кандидатуры предка оказывается не совсем удачным, ибо Китий—традиционный предок киприотов и каких-то островитян. И этот факт также характерен, так как он показывает, насколько была серьезно обдуманной (а в современном научном понимании—обоснованной) тенденция Мовсеса Дасхуранци представить «албанцев» в качестве отдельного народа.

²⁶ Правда, эту возможность не следует абсолютизировать хотя бы потому, что в средневековом Закавказье в качестве важного этнодифференцирующего признака осознавалась и общность языка. К примеру, грузинский автор X в. Георгий Мерчул отождествляет свою родину с той территорией, где «церковную службу совершают и молитвы творят на грузинском языке» (Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Введение, издание, перевод Н. Марра. СПб., 1911, с. 123). Учтем также, что в период своего апогея анализируемая тенденция не охватила даже все слои правящего класса. Вспомним хотя бы сведение Константина Багрянородного о том, что имперские *дипломатические* послания в Хачен и Севордик в X же веке содержали формулу «в Армению».

²⁷ Выходец из западных районов расселения армян Маттеос Урхаеци называет Албанию примечательным термином «Глубинная страна. Армения» («*լաշխարհն Աղանիկն, որ արի՛ խորին արարէ Հայոցն*») (Մատթեոս, 1898, էջ 230; ср. также с. 3—5, 17, 81, 220—221). Выходец же из Гандзака (совр. Кировабад на правобережье Куры) Мхитар Гош причисляет владения арцахских армянских князей к низложенному «эламитянамн» (мусульманскими правителями) «Армянскому царству» («*Քաղաքաբնին Հայոցն*») (см.: Հայոց նոր վիճակը, արխ. Ն. Մանանդյանի և Ն. Աճառյանի, Վաղարշապատ, 1903, էջ 23; ср. также: Մխիթար Գոշ. Գիրք դատաստանի, արխ. Խ. Քարաջանի. Երևան, 1975, էջ 1, 25, 283):

его упразднения, на левобережье Куры не произошло консолидации собственно албанского этноса. Процесс же сегрегационной межэтнической интеграции всего христианского монофизитского населения Албанского марзпанства привел в конечном счете только лишь к простой ассимиляции (арменизации) части собственно албанского населения.

* * *

Другой важнейшей задачей книги Ф. Мамедовой является доказательство того, что исконной и неотъемлемой частью Албании являлось нижнее правобережье Куры—провинции Утик, Арцах, Пайтакаран и Сюник исторической Армении. Проведем анализ аргументации в той же очередности.

Утик и Арцах. Многочисленные сообщения античных и ранних армянских источников, согласно которым граница Албанского царства с царством Великой Армении на всем своем протяжении проходила по Куру, общезвестны²⁸. При однозначности этой информации источников, естественно, с недоумением была встречена попытка К. Алиева показать, что Албанское царство античного периода (во всяком случае в I—II вв. н. э.) простиралось южнее Куры, охватывая провинции Утик и Арцах²⁹. Эта попытка уже подверглась основательной критике А. П. Новосельцевым³⁰. Ф. Мамедова знакома с этой критикой, однако воздержаться от объявления правобережья Куры составной частью античной Албании никак не намерена. Как же она поступает с однозначной информацией источников?

Свидетельства античных писателей об албано-армянской границе по Куру в книге объявлены просто «неточными» на том лишь основании, что они восходят к информации «участников римских походов в Закавказье, чьей целью (?) было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании» (с. 120, 146). Для Ф. Мамедовой не помеха, что современная наука об истории немалой части древней ойкумены основывается главным образом именно на сообщениях участников различных походов греков и римлян. Да и можно ли заподозрить столь последовательную «неточность» свидетельств именно об албано-армянской границе у тех легионеров Помпея, которые зимовали у этой границы, отражали нападение албанцев с той стороны Куры и, наконец, переходили ее.

В качестве дополнительного аргумента в пользу «неточности» сообщений о Куру как о границе Албании с Арменией Ф. Мамедова указывает на те сведения Страбона, в которых говорится, что Кура течет «по Албании» (Географ употребляет при этом предлог или префикс *διὰ* — первое значение «через», «по»)³¹. Но ей следовало бы серьезнее отнестись к другим пассажам «Географии», где река буквально называется границей, затем внимательнее изучить значения *οὐα* и узнать, что оно означает также и «вдоль»³². Далее Ф. Мамедова приводит слова Стра-

²⁸ Это хорошо знакомые сведения Страбона, Плиния Старшего, Птолемея, Плутарха, Диона Кассия, Квадрата, Аппиана, Стефана Византийского, Корюна, Аптангелоса, Павлоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, «Ашхарацойца», «Гахнамака», «Зоранамака», «Списка армянских епископов, учрежденных Григорием Просветителем» и т. д.

²⁹ К. Алиев. Кавказская Албания (I в. до н. э.—I в. н. э.). Баку, 1974, особенно см. с. 83—123.

³⁰ А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 10—18.

³¹ Strab. XI, 1,5; 3,2; 4,2. Эти сведения «обнаружил» еще К. Алиев (указ. соч., с. 86, 87, 89, 113—114), однако Ф. Мамедова предпочитает обойтись без ссылки на него (с. 119, 145—146).

³² См.: Greek-English Lexicon. Completed by H. G. Liddell and R. Scott (пункт 3). Ср.: А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 15.

бона о том, что албанские племена «владеют плодородной землей и могут развивать хорошее хозяйство» (XI, 4, 3), и добавляет: «Если бы правобережье Куры было армянским, то слова Страбона в равной степени относились бы и к армянам, ибо правый берег Куры так же плодороден, как и левый» (с. 145). Но ведь Географ действительно буквально отмечает не только принадлежность правобережных областей Сакасны и Араксны Армении, но и их удивительную плодородность (II, 1, 14; XI, 7, 2; 8, 4; 14, 3—; 6). Самое странное то, что в конце той же странички Ф. Мамедова сама вспоминает «о данных Страбона об областях Араксене (XI, 14, 4), Сакасне (XI, 8, 4) как армянских». По-видимому, вся ее надежда—на невнимательность читателя. Но на что она надеется, когда приводит слова Плиния Старшего: «всю равнину, начиная от реки Кир заселяет племя албанцев...» и сразу же добавляет: «Следовательно, албаны заселяют равнину *двух берегов* Куры— левобережья и правобережья»? (с. 145)³³.

Далее наступает черед древнеармянских писателей. Оказывается, что Павстос Бузанд, изложивший примерно в 70-х гг. V в. историю своей страны в IV в., благодаря которой до нас дошли ценнейшие сведения, в том числе и об армяно-албанской границе по Куре, был искусным фальсификатором и тенденциозно расширял пределы Армянского царства IV века (с. 124—126). Почему? «Чтобы идеологически подготовить население к антиперсидскому восстанию (450—451 гг.), необходимо было создать труд, гиперболизированно изображающий мощь Армении, ее территориальную целостность... С этой целью Фавстос Бузанда включил в состав Армении... наряду с другими землями и албанские области правобережья Куры—Ути, Арцах и Пайтакар» (с. 125). Но как может труд, созданный в 70-х гг. V в. (у Ф. Мамедовой—в конце V в.), подготовить население к восстанию 450—451 гг.? Остается также загадкой, как могли готовившиеся к восстанию армяне претендовать на области, никогда (по мнению Ф. Мамедовой) не входившие в состав Армении.

Умозрительность и дилетантизм рассуждений автора безграничны. Как охарактеризовать иначе его утверждение о том, что «Армянская география VII в.» («Ашхарацоц»), в которой подчеркивается неидентичность «собственно Албании» к северу от Куры с армянскими областями правобережья, восходит «к данным Фавстоса Бузанда» (с. 126)? Можно ли считать объективным современного ученого, если он пишет: «Фактически только на данных Фавстоса Бузанда и «Армянской географии VII в.» основывается мнение исследователей о том, что области правобережья Куры... только в 387 г. стали албанскими, а до этого входили в состав Армении» (с. 126), и этим благополучно обходит сведения Корюна, Агатагелоса, Хоренаци, документальных источников «Гахнамака», «Зоранамака» и «Списки армянских епископств», также конкретно относящих Ути и Арцах к Армянскому царству? Можно ли считать серьезным исследователя, который обвиняет своих оппонентов в неверном представлении точек зрения предшественников и для этого приводит неполную фразу С. В. Юшкова: «Нельзя думать, что Албания при Страбоне занимала только долину по левому течению реки Куры»³⁴, пытаясь создать у читателя впечатление, будто ученый настаивал на вхождении в Албанию и правобережья (с. 73). В действительности, С. В. Юшков полемизировал с А. Яновским, помещавшим Албанию лишь на левобережной равнине вплоть

³³ Ср.: P l i n. Nat. Hist. VI, 29 (у Ф. Мамедовой почему-то—26). На это сведение указывал и К. Алиев (указ. соч., с. 85, 125). Но он хоть переводил фразу «а Суго usque» не «начиная от реки Кир», а «вплоть до всей равнины реки Кюр». Неужели Ф. Мамедова поняла несуразность перевода латинского предложения а, ab (с, от, из) как «вплоть до»?

³⁴ Ср.: С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании.—Исторические записки, № I, М., 1937, с. 132.

до Кавказских гор, и доказывал вхождение в эту страну также и большей части *Дажестана*³⁵.

Покончив с информацией греко-римских и ранних армянских источников об албано-армянской границе, проходившей в период существования обоих царств по Куру, Ф. Мамедова заявляет, что автор ИА, изображавший правобережье изначально в составе «страны Албании», «знал и изучал историю и географию своей страны несомненно лучше, чем римляне во время своего кратковременного похода против понтийского царя» (с. 120—121. ср. с. 119, 126, 145). В дальнейшем сообщения Мовсеса Дасхурани превращаются в обладающие магической силой «албанские реалии», которыми Ф. Мамедова «опровергает» все остальные, не совпадающие с ее идеями сведения источников³⁶. Уже подобное допущение—предпочтение мнения автора X в. свидетельствам в основном современников событий, греко-римских и ранних армянских историков—является признаком того, что Ф. Мамедова сознательно отступилась от элементарных принципов источниковедения. Только теперь, в свете ее утверждения, будто автор ИА изучал древнюю историю своей страны, становится окончательно понятным, почему она так последовательно пренебрегает серьезными исследованиями об источниках и манере пользования ими Мовсеса Дасхурани (ср. с. 12). Все очень просто: в них показано, что компонуя древнюю историю «Алуанка», армянский автор X в. не имел под рукой ничего, кроме легендарных сведений Мовсеса Хоренаци и Пиллона Тиракати, а также легенды о Елишае, которые перерабатывал исходя из нужд своей эпохи. В них же выяснены и причины воззрения Дасхурани об изначальном вхождении Утика и Арцах в «Алуанк» (см. выше).

Говоря об Утике и Арцахе, обратимся к проблеме этнического состава этих областей. По мнению ряда серьезных исследователей, их население было родственно собственно албанским племенам левобережья Куры и арменизировалось благодаря долговому нахождению в составе царства Великой Армении³⁷. Но в ис-

³⁵ Заметим, что Ф. Мамедова не отличается учтивостью к своим оппонентам. Складывается впечатление, что она предполагает сознательно взвинченной остротой формулировок больше настроить на свою сторону читателя, который не будет проверять аргументацию. А как же специалисты? Здесь отметим только голословность обвинения в плагиате Г. Свазяна и Ш. Смбатяна, чьи работы, касающиеся армянской социально-экономической терминологии, напомнили Ф. Мамедовой ее собственную работу (с. 84, 260). Ей не следует забывать, что как их, так и ее разработки полностью основываются на фундаментальных исследованиях Н. Адонца, Я. Мянандяна, С. Акопяна, Т. Аздалбегяна и С. Еремяна.

³⁶ Конкретизации «албанских реалий» Ф. Мамедова достигает «сравнительным анализом реалий закавказских стран», который на деле оказывается утверждением, что Албания всегда представляла собой сильную независимую государственность, в то время как Армения после Тиграна II фактически перестала существовать как государство (с. 56—57, 59—60, 121—124). Этому неожиданному утверждению нелегко возразить (во всяком случае кратко), ибо оно—результат не фальсификации тех или иных данных источников и научной логики, а вообще—отвлечения от того и от другого. Отметим лишь, что такое утверждение находит параллель только в трудах турецких буржуазно-националистических историков-политологов, побуждения которых не имеют ничего общего с наукой (см.: E. Uğas. *Tarihle Ermeniler ve Ermeni Meselesi*. Ankara, 1950, sel. 97—98; S. Koças. *Tarih boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni ilişkileri*. Ankara, 1967, sel. 26).

³⁷ Н. Я. Марр. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа.—Изв. императорской Академии наук, 1916. № 15, с. 1379—1408; Н. Адонц. Указ. соч., с. 230; И. А. Орбели. Избранные труды. Т. 1. М., 1968, с. 214; С. Т. Еремян. Указ. соч., с. 304; К. В. Тревер. Указ. соч., с. 46 сл.; А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 11, 18.

следованиях последних десятилетий все более настойчиво выступает точка зрения, согласно которой население правобережья Куры было армянским с эпохи образования древнего армянского этноса, следовательно говорить о его арменизации нельзя³⁸. Эта точка зрения основывается на армянокой традиции V в., в частности, на сведениях Мовсеса Хоренаци и Агатангелоса, согласно которым население Утика и Арцаха восходило к легендарному прародителю армян Хайку. Указывается и сообщение Страбона о том, что ко времени армянских царей II в. до н. э. Арташеса и Зареха население Армении было одноязычным. Указывается также, что правобережье Куры не было завоевано Арменией во II или I вв. до н. э. (как полагал ряд ученых), а входило в ее состав уже в эпоху царства Ервандидов (VI—II вв. до н. э.) как наследство, полученное от Урартского царства. Эти факты сами по себе весьма конкретны, хотя в силу недостаточной информативности по данной проблеме *нарративных* источников фигурировать в качестве абсолютного доказательства не могут.

Но вместе с тем и традиционная точка зрения основывается скорее на академической традиции, чем на конкретных фактах, выявленных автогенно, а не под воздействием и для поддержания господствовавшего воззрения. Последнее сложилось на основе первоначальной трактовки еще только что обнаруженной ИА как истории того албанского (собственно албанского) народа, о котором наука XVIII—XIX вв. хорошо знала из античных и ранних армянских источников. На этой основе в яфетической концепции Н. Марра сложилось представление о том, что первоначально вся северо-восточная половина Армянского нагорья была населена иберийско-кавказскими племенами, которые со временем передвигались на север. В современной науке оная концепция отвергается, но представление о первоначальном населении Утика и Арцаха осталось благодаря традиционной локализации на правобережье албанских племен гаргареев и утиев, первых—на реке Каркар, вторых—в провинции Утик.

На основании сводного анализа античных и средневековых источников уже показано, что албанского племени гаргареев в действительности не существовало, а термин «гаргарацы» употреблялся в армянских источниках (Хоренаци, «История 684 года») в качестве пейоративного эпитета для обозначения населения собственно Албании³⁹. Что касается «Утика», то на сегодняшний день соответствие этого топонима этнониму «утии» вряд ли может вызывать сомнения. Однако также немаловажен и другой факт. Античные источники упоминают на восточном Кавказе несколько названий племен с компонентом «ути». Это «уитии» Страбона и его последователей, «удины» Плиния Старшего и «уды» Птолемея на каспийском побережье к северу от Дербентского прохода, «ути/дорсы» Плиния к западу от них⁴⁰. На основании их локализации и археологического материала эти племена могут быть отнесены к кругу собственно албанских (лезгиноязычных). С другой стороны, те же античные источники упоминают провинцию Великой Армении Утик,

³⁸ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., с. 15—64; Р. У. Արարիքի շրջանի Զույնը Արևելից կողմանց պատմության (V—VII դդ.), Երևան, 1981, էջ 63—80; Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк, с. 5—6; А. А. Акопян. Термины «Албания» и «албанцы», с. 3—6.

³⁹ У. 2. Հակոբյան. Կարգարացիները ըստ անակի և հայկական սկզբնաղբյուրների.— «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1982, № 4, էջ 116—130.

⁴⁰ Strab. XI, 8, 8; Plin. Nat. Hist. VI, 38—39; Ptol. Geogr. V, 8, 23. В районе проживания современных удий на левобережье Куры античные авторы не упоминают племени ути, но его можно ретроспективно восстановить на основании современного состояния и факта распространности у лезгиноязычных племен анализируемого этнонима.

но в форме «Отена»⁴¹. Различие компонентов «ути» и «оте» очевидно. А это показывает, что, хотя провинция, возможно, и получила свое название от какого-то лезгиноязычного племени «ути», уже в античный период это не осознавалось. То же самое показывает и анализ армянской традиции. Ранние авторы, неоднократно употребляющие термин «Утик» (*Утия, утийцы*) или его варианты («Ути», «Утэлик», «Утиакан»), указывают, что он относится именно и только к правобережью Куры. Современные же удины упоминаются в источниках (тоже армянских) с XVII в. и только к северу от этой реки. Мовсес Хоренаци возводит «утийцев» (население и князей провинции) к легендарному прародителю армян. Таким образом, начиная с античного периода связь населения провинции с собственно албанскими племенами не осознавалась. Поэтому следует думать, что на южном берегу Куры проживало какое-то родственное собственно албанским племя с названием «ути» (третье или четвертое лезгиноязычное племя с таким названием), которое участвовало в этногенезе армянского народа и оставило свой этноним на территории своего расселения (гавар Ути-Арандзак).

Конечно, сказанное показывает весьма недостаточную аргументированность традиционной точки зрения о заселенности правобережья Куры родственными собственно албанскому населением и после консолидации армянского этноса. Однако говорить о ее несостоятельности на сегодняшний день не приходится, причем главным образом потому, что в большей аргументированности нуждается противоположная точка зрения. Представляется, что к окончательному решению проблемы должны привести последующие исследования археологического, лингвистического, топонимического материалов, восходящих к первому тысячелетию до н. э. В заключение заметим, что нерешенность анализируемой проблемы, конечно, не оправдывает позицию Ф. Мамедовой, взявшей путем подмены научных принципов доказать вхождение Утика и Арцаха в Албанию до 428 г.

Пайтакаран. Точка зрения о вхождении этой провинции в отдельные периоды в состав Албании не нова, ее скорее можно считать традиционной (И. Маркварт, Г. Гюбшманн, Н. Адонц, С. Еремян, К. В. Тревер, И. М. Дьяконов, В. Минорский и т. д.). Она основывается на трех исходных пунктах: а) по сообщению Страбона, «областью албанцев была и Каспиана» (XI, 4, 5); б) центр провинции город Пайтамаран отождествлялся с известным из средневековых источников городом Байлаканом и локализовался поэтому к северу от Аракса; в) родственник армянского царя Трдата III Санатрук, взошедший, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, в городе Пайтакаране, на основании сведений Мовсеса Дасхуранли и Киракоса Гандзакечи считался албанским царем и отождествлялся с маскутским царем Санесапом.

Ф. Мамедова только абсолютизирует эту точку зрения, базируя на ней новые построения (с. 97—100). Но именно она, издавшая обобщающую монографию в 1986 г., должна была воздержаться от ее принятия. Дело в том, что в исследованиях последних лет выявлена ошибочность всех отмеченных выше исходных пунктов традиционной точки зрения⁴². Однако Ф. Мамедова просто замалчивает эти исследования. Точнее, она упоминает только статью Б. Арутюняна, по поводу которой «лаконично» пишет: «Попытки аргументации его представляются нам малоубедительными» (с. 260).

⁴¹ P II л. Nat. Hist. VI, 42; XII, 28; Ptol. Geogr. V, 12, 9; Steph. Byz. s. v. Ὀτινί; Ὀβερτινί.

⁴² Р. Ա. Ուլտրարյան. Դատմա-աշխարհագրական էքզրտումներ.—«Բանբեր նրբ-վանի համալսարանի», 1971, № 1, էջ 177—182; Р. Հարոթյան. Մագրթաց Սանե-սան թագավորի արշավանքը Հայաստան.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրարբեր հաս. գիտ.» 1981, № 6, էջ 65—77; Օն же. Փայտակարան քաղաքը և նրա տեղագրությունը.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրարբեր հաս. գիտ.» 1981, № 12, էջ 61—76; Ա. Հակոբյան. Կասպիների և Կասպիանա (Կասպը) մարզի տեղագրության մասին.—ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրարբեր հաս. գիտ.» 1983, № 1, էջ 87—99:

Все это позволяет Ф. Мамедовой заявить, что провинция Каспк-Пайтакаран, которую, согласно сообщению Страбона (XI, 14, 5), отвоевал у Мидии-Атропатены армянский царь Артасеш (начало II в. до н. э.), оставалась в составе Армении до 55 г. до н. э., после чего стала частью Атропатены или Албании (с. 98)⁴³. Так она игнорирует сообщения античных источников, конкретно и независимо друг от друга доводивших пределы Армянского царства до Каспийского моря к югу от Куры⁴⁴. Не существуют для нее и сведения армянских источников (Агатангелос, Павлос Бузанд, Мовсес Хоренаци, «Гахнамак», «Зоранамак», «Ашхарацоц» и т. д.) о том, что провинция Каспк или Пайтакаран оставалась в составе царства Великая Армения с незначительными перерывами вплоть до 428 г., когда была включена Сасанидами в шахр Атрпатакан (а не в Албанию)...

Сюник. Следующей поконной провинцией Албании автор считает девятую («срединную») провинцию Армении по «Ашхарацоцу» Сисакан-Сюник (с. 105—108), которая на всех шести картах монографии фигурирует в пределах этой страны. Если учесть, что и в этом вопросе Ф. Мамедова выступает в роли первооткрывателя, то необходима по возможности полная проверка ее аргументов.

Ф. Мамедова пишет: «Этнически, культурно и политически он (Сюник) больше был связан с Албанией и Атропатеной, чем с Арменией» (с. 106). Никаких ссылок на источники не дается. По-видимому, всем должно быть ясно и так. Правда, источники до второй половины VI в. и от середины VII в. неизменно упоминают Сюник в качестве неотъемлемой составной части «Армении», до 428 г. — царства, после — марзпанства Саосандского Ирана. Сюнийские светские и духовные владыки являются участниками важнейших событий, связанных с функционированием царства, марзпанства и церкви Армении, причем во всех перечнях участников занимают важнейшие места. К середине V в. князь Ваоак Сюни становится марзпаном Армении и т. д. То есть очевидна политическая связь (точнее — неразрывность) с Арменией (точнее — с другими провинциями страны). В Сюнике открываются первые армянские школы, в которых учатся и выходцы из других армянских провинций, а выходцы из Сюника учатся в школах Айрарата и других провинций, становятся величайшими деятелями армянской культуры и т. д. То есть очевидна и культурная неразрывность провинции с остальной Арменией. Наконец, по Мовсесу Хоренаци, счичпы восходят к легендарному прародителю армян Хайку, что говорит и об этнической неразрывности. На каком же основании Ф. Мамедова считает возможным утверждать, будто по анализированным компонентам провинция была больше связана с Албанией и Атропатеной?

Далее читаем: «Сюник политически в определенные периоды (после раздела Армении в 387 г.) зависел то от Албании, то от Атропатены, а временами был самостоятельным» (с. 106). Дается ссылка на издание Ухтанеса (без указания раздела и страницы) и на русокий перевод «Истории» Себеоса (Ереван, 1939, у Ф. Мамедовой почему-то — 1938). У Себеоса в этом разделе содержится ценное сообщение о том, что накануне восстания армян (и грузин) против персидского марзпана Армении Сурена в 571 г. князь Сюника Вахан восстал и «вышел из Армении», попросил шаханшаха Хосрова отделить его владения от «Армении» (то есть от Армянского марзпанства) и включить в состав Атрпатакана (то есть Адурбадаганского, Северо-западного спахбедства: Сюник стал 14-м шахром

⁴³ На картах III в. до н. э., I—II, III—IV, V и VI—VII вв. н. э., приложенных к монографии Ф. Мамедовой, Пайтакаран-Каспана неизменно показывается в составе только Албании.

⁴⁴ Strab. II, 1, 17; XI, 3, 2; 7, 1; 14, 5; Plin. Nat. Hist. VI, 27; 37; Just. XII, 2, 9; Ptol. Geogr. V, 12, 1; VI, 2, 1. Следует отметить, что вопрос о степени армизации населения Каспк-Пайтакарана является особой научной проблемой.

«следнего»⁴⁵. Причина поступка Вахана в литературе трактовалась двояко. М. Ормания считал, что она была связана с гонениями марзпана Сурена; отделившись «от Армении», провинция спасалась от произвола ее персидского марзпана, приведшего вскоре к убийству Сурена Варданом Мамиконяном, восстанию и началу 20-летней войны между Ираном и Византией⁴⁶. Эту трактовку Ф. Мамедова замалчивает, хотя с работой М. Ормания знакома. Н. Адонц же склонен был объяснять выход Сюника из Армянского марзпанства с этническим составом (не совсем еще армянским) провинции⁴⁷. Принимая его точку зрения, Ф. Мамедова идет дальше: поскольку Пэйтакаран, куда были доставлены архивы Сюника, для нее не Атропатена, а Албания, то в этом она находит основание утверждать, будто Сюник «политически зависел от Албании» (с. 106, ср. с. 99, 107—108). Ошибочность исходного пункта такого утверждения выше была уже отмечена. Но пойдём дальше: если факт отделения Сюника связать с Албанией, то с чем же связана его зависимость от Атропатены, о чем Ф. Мамедова пишет, по-видимому, под влиянием Н. Адонца? Интересный получается казус с раздвоением одного и того же факта. А может и с утроением? Ведь в той же фразе Ф. Мамедова говорит и о самостоятельности Сюника (под влиянием М. Ормания?). Ясно одно—Ф. Мамедова не пожелала уточнить новый административный статус провинции.

Далее она пишет: «Сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюнийском и арцахском языках» (с. 106, ср. с. 108). Дается ссылка на издание «Толкования» Степанноса Сюнеци⁴⁸. Если допустить, что Ф. Мамедова прочитала текст на армянском языке и постигла его смысл, то это ее утверждение трудно охарактеризовать иначе, как ложное. В соответствующем разделе армянский ученый VIII в.⁴⁹ в шести пунктах и на шести страницах (по изданию) перечисляет то, что необходимо знать для занятий грамматикой. Во втором абзаце четвертого пункта, посвященного знанию языков, он говорит: «И также /следует/ знать все окранные диалекты (գրական եզրերակերպ) своего языка (գրական լեզու), кои суть корчайский и хутский и Четвертой Армении и селерский и сюнийский и арцахский (գորիշերի, երեսնամյակի, և զարցախի), а не только срединный и центральный, ибо /и диалекты/ эти пригодны для стихосложения, а также для истории полезны, дабы не упустить /что-то/ из-за незнания языков». Можно ли буквально названные Степанносом «окранные диалекты своего языка» понимать как-нибудь иначе? О других, неармянских языках не может быть речи еще и потому, что о них Степаннос специально упоминает в предыдущем абзаце: «/следует/ знать /языки (լեզու), которые распространены в окружающих тебя странах, науку об этих языках, ибо очень полезны они для семантики». Чтобы подкрепить свою точку зрения, Ф. Мамедова ссылается на Г. Ачаряна, по мнению которого, под перечисленными у Степанноса Сюнеци диалектами армянского языка можно понимать уцелевшие после образования армянского народа исконные языки племен Армянского на-

⁴⁵ Սի. Բ. Լևոն, 1979, գլ. 8, էջ 67—68. Кстати, это сообщение не заимствовано автором X в. Ухтанесом, и остается непонятным, что имеет в виду Ф. Мамедова, ссылаясь на его сочинение.

⁴⁶ Մ. Օրմանյանի. Աղբյուրաբան. հ. Ա, մաս Բ, Պեղում, 1959, էջ 558.

⁴⁷ Н. Адонц. Указ. соч., с. 220—221.

⁴⁸ См.: Н. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, с. 181—219. Ср. с. 187.

⁴⁹ Кстати, ставший за год до смерти епископом Сюника Степаннос был сыном архидиакона Двина, то есть выходцем из Айрарата, а не Сюника (см.: Օրմանյանի, 1910, գլ. 31, էջ 132).

горья⁵⁰. Однако ей следовало знать, что точка зрения Г. Ачаряна специально рассмотрена и опровергнута в новых исследованиях по армянской диалектологии, основанных на более актуальном статистическом методе⁵¹.

Далее в книге читаем: «Х. Хюбшманн и И. Маркварт вообще считали Сюник албанской областью» (с. 106). Дается ссылка только на с. 216 «Die altarmenischen Ortsnamen» Г. Гюбшманна. Конечно, несерьезна уверенность Ф. Мамедовой в том, что вхождение Сюника в Албанию можно доказать ссылками на авторитеты, минуя материал источников. Но самое интересное то, что ни Г. Гюбшманн, ни И. Маркварт не относили Сюник к Албании. На с. 216 сочинения Г. Гюбшманна нет даже слова «Сюник»⁵². Приписанного ему утверждения нет и на других страницах работы немецкого филолога, так же как и в фундаментальном историко-географическом исследовании И. Маркварта! Как же понимать такого рода «аргументацию»?

Ф. Мамедова продолжает: «Г. Адонц и Ст. Малхасянц *вынуждены* [??] были отметить, что Сюник занимал вообще «обособленное и более независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни», и что это обстоятельство объяснялось этнической обособленностью страны. «Несомненно лишь одно, что албанская окраина Армении Сюния по населению отличалась несколько от центральных частей Армении. Племенная исключительность ее поддерживалась и обновлялась переселенческими течениями из прилегающих горских стран» (с. 106). Дается ссылка на монографию Н. Адонца (с. 421, 423) и на русский перевод Себеооа, осуществленный Ст. Малхасянцем (с. 150—151). Ф. Мамедова снова прибегает к авторитетам, и снова не обходится без казусов: в приведенном отрывке Ст. Малхасянц объясняет поступок сюнийского князя Вахана не этническими моментами, а традиционной феодальной обособленностью Сюника в составе Армении!

Что же касается мнения Н. Адонца, то, как было отмечено выше, он действительно склонен был считать Сюник частично албанской (в этническом смысле) окраиной Армении. Но для современной науки немаловажно, что ученый исходил из общих соображений (см. выше, с. 177—179) и не указывал ни одного источника, на котором может основываться гипотеза о проживании в Сюнике племен, родственных собственно албанским. При этом, ссылаясь на Евсевия и Прокопия, у которых сюнийцы упоминаются якобы как соседи (не более) албанцев, исследователь в обоих случаях корректирует тексты. В первом случае он корректирует «савниев» (то есть сванов) на «сивниев»—«сюниев», а во втором—«аланов», соседей «сунитов» (то есть в данном случае тех же сванов), на «албанов»⁵³.

⁵⁰ Հր. Ա ճ ա ո յ ա ն. Հայոց լեզվի պատմություն. II մաս. Երևան, 1931, էջ 128—129. Ф. Мамедова отсылает читателя и к с. 519 работы Г. Гюбшманна об армянской топонимике, хотя это сочинение завершается на с. 490 (H. Hubschmann. Die altarmenischen Ortsnamen. Mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte.—In: Indogermanischen Forschungen von K. Brugmann und W. Streitberg, B. 16. Strassburg, 1904, S. 197—490). Это неудивительно, если учесть, что в библиографии Ф. Мамедовой не указаны даже место и год этого издания (с. 280). Вероятно, она ссылается на Г. Гюбшманна по монографии З. Бунятова «Азербайджан в VII—IX вв.». Но интересно, что и там библиографические данные о работе Г. Гюбшманна неполны (см. с. 358)!

⁵¹ См.: Գ. Բ. Ջ ա չ ա Վ յ ա ն. Հայ բարբառագիտության ներածություն (Վիճակագրական բարբառագիտություն). Երևան, 1972, էջ 17, 25.

⁵² С той же целью ту же страницу указывал З. Бунятов (указ. соч., с. 100).

⁵³ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, с. 423, прим. 4; с. 221, прим. 1. Почти дословно повторяя мысль Н. Адонца (правда, без ссылки) о том, что «Форма Сюник древнее Сисахан. Она упоминается у Евсевия, у Прокопия Кёсарийского, как соседняя с албанами» (с. 105), Ф. Мамедова вдвойне неудачно

Таким образом, принять данную точку зрения Н. Адонца можно лишь предварительно, доказав ее. Но для нас не менее важно и другое: считая Сюник этнически частично албанской, Н. Адонц вместе с тем настаивал на его политической принадлежности Армении (исключая известный период VI—VII вв.). Читатель, конечно, заметил, что обильно цитируя его, Ф. Мамедова не сочла нужным доказать свою противоположную точку зрения.

Далее: «В источниках и эпиграфике при перечне Закавказских стран, Сюник фигурирует официально самостоятельно. Так, он зафиксирован в надписи III в.—Каабе-Зардушт, в надписи персидского царя Шапура I («Атропатена, Армения, Иберия, Сюник, Албания...»)» (с. 106—107). Никакой ссылки не дается. Мы же отметим, что в греческом варианте этой надписи в числе закавказских стран упоминается «Махелония», которая в гурганском варианте названа «Сикан». В свое время В. Хеннинг предположил, что под Сиканом-Махелонией может подразумеваться Сиоакан-Сюник⁵⁴. Но уже А. Марик отклонил эту идентификацию и показал, что под Махелонией-Сиканом выступает «царство махелонцов и геинохов» позднеантичных источников, расположенное в юго-восточном углу черноморского побережья⁵⁵. Так и было принято в специальной литературе⁵⁶. Судя по библиографии Ф. Мамедовой, она знакома с отмеченными трудами Г. Меликишвили, К. В. Тревер, С. Еремяна и С. Касумовой, но не с работой В. Хеннинга. А ведь они, упоминая о гипотезе В. Хеннинга, в то же самое время отмечают ее гипотетичность. Чем же объяснить безоговорочное возрождение гипотезы в книге Ф. Мамедовой?

Еще один аргумент: «В источниках VI в. наблюдается политическая и конфессиональная изолированность Сюника от Армении, который в это время придерживается несторианства... В церковно-иерархическом отношении албанские католикосы обладали правом рукоположения сюнийских епископов. Армянские католикосы оспаривали это право. Когда армянский патриарший престол разделился в 571 г., духовенство Сюника отказалось от армян и стало получать рукоположение от Албании. Сюник от Армении был отделен конфессионально до 660 г.» (с. 107—108). Дается ссылка на гл. II, 48 ИА и на монографию Н. Адонца (с. 423). Эти рассуждения, призванные создать впечатление о тяготении епископства Сюника к Албанской церкви, в действительности обнаруживают, что знания Ф. Мамедовой об иерархическом статусе сюнийской епархии Армянской церкви, основанные только на сведениях ИА, исключительно поверхностны. В гл. II, 48 ИА действительно говорится о том, что после раздела армянского католикосата (в 594 г.), якобы по завещанию епископа Сюника Петроса, два сюнийских епископа приняли рукоположение в Албании и брали миро (приготавливаемое только католиками) у албанского католикоса, пока при Абрахаме Албатанеци (607—615) армянский католикосат снова не объединился. Но Ф. Мамедова, ко-

ссылается на русский перевод трудов Прокопия С. Дестунисом (СПб., 1876—1880), ибо там соответствующая фраза, естественно, переведена без корректуры: «Сунитов, смежных с аланами» (см. с. 180).

⁵⁴ W. B. Henning. Two Manichean magical texts.—BOAS, vol. XII, pt. 1, London, 1947, p. 54.

⁵⁵ См.: E. Honigsmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis.—Mémoires de l'Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques, t. XLVII, Bruxelles, 1953, fasc. 4, p. 64, 178.

⁵⁶ См. у отечественных исследователей: Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 353—354; К. В. Тревер. Указ. соч., с. 135. С. Еремян (Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт.—Вестник древней истории, 1967, № 4, с. 48) предлагает иную, третью локализацию, а С. Касумова (Южный Азербайджан в III—VII вв. Баку, 1983, с. 133—134) воздерживается от категоричных выводов.

нечно; понятия не имеет об источнике данной главы ИА и об аутентичности указанного сведения.

Текст главы восходит к грамоте армянского католикоса Маштоца Еливардеци (897—898)⁵⁷, восходящей к утерянной грамоте Соломона Макенацц (VIII в.), который, в свою очередь, полагался на сведения армяно-халкидонитской исторической традиции⁵⁸. В ИА к тексту источника добавлено только утверждение о том, что сюнийский епископ Вртанес был рукоположен албанским католикосом Закарией. Сопоставление сведений армяно-халкидонитской исторической традиции и восходящих к ней других представлений с сообщениями современных событий армяноких и иноземных источников показывает, что многие из первых выдуманы из чисто концептуальных соображений на основании различных неверно осмысленных фактов. К таким относится и воззрение армян-халкидонитов о том, что при армянском католикосе Иовханнесе Габеленапи (557—574) Сюник и Албания придерживались дофизитства, и исходящее из него допущение, что до католикоса Абрахама сюнийские епископы рукополагались и получали миро в Албании. Епископы Сюника Петрос (548—558) и Вртанес (561—584), так же как и католикос Албании Абас (552—596), были убежденными монофизитами, о чем свидетельствуют документы «Книги посланий», грамота Иоанна Иерусалимского, ИА, Степаннос Орбелян и другие поздние источники⁵⁹. Петрос скончался в 558 г. и не был современником раздела армянского католикосата в 594 г., чтобы под его впечатлением завещать брать миро в Албании. Закариа был католикосом Албании в 629—644 гг., следовательно не мог рукоположить сюнийского епископа Вртанеса, скончавшегося в 584 г. Наконец, в «Книге посланий» после известных грамот Иовханнеса Габеленапи представлена большая группа документов, отражающих события начала VII в., и в трех первых из них, содержащих подписи армянских епископов, фигурирует имя епископа Сюника Христофора⁶⁰. В послании Абрахама Албатанеци двум епископам правобережной Албании, датированном уже 607 г., имеется подпись следующего сюнийского епископа—Давида⁶¹. Таким образом, несмотря на то, что во второй половине VI в. Сюник стал отдельным от Армянского маршанства шахром, его епархия осталась под юрисдикцией армянского католикосата. Понятно, что не может быть речи и о каком-то периоде с 571 по 660 гг., когда «Сюник от Армении был отделен конфессионально». Сами эти цифры взяты Ф. Мамедовой со страницы 423 монографии Н. Адонца, хотя там говорится о периоде, когда Сюник был отделен от «Армении» политически, а не иерархически.

И последний аргумент автора: «Будучи непосредственным вассалом Сасанидов, Сюник политически подчинялся, видимо, и албанским Михранидам (Каланкатуйский, II, 19, 28). ... Албанский великий князь Джеваншир породнился с сюнийским домом, женившись на дочери сюнийского князя (Каланкатуйский, II, 19). Халиф отдал в подчинение Джеванширу Сюник (Каланкатуйский, II, 28)» (с. 108, ср. с. 113, 209). Логика Ф. Мамедовой не может не удивить. В гл. II, 19

⁵⁷ Издана в 1902 г. в журнале «Արարիկ» О. Гюлханданяном (с. 748—753).

⁵⁸ Эта традиция представлена в дошедшей до нас только в греческом переводе «Narratio de rebus Armentiae». См.: La Narratio de rebus Armentiae. Édition critique et commentaire par G. Garitte. Louvain, 1952, p. 26—47. Незнание Ф. Мамедовой этого издания тем более огорчительно, что Ж. Гаритт подробно анализирует аутентичность всех представлений армяно-халкидонитской исторической традиции.

⁵⁹ Չիրբա Քաթողոս, 1901, էջ 70, 73, 76, 79, 81—84; «Արարիկ», 1896, էջ 255; ИА, II, 7—8; Օրբելյանի, 1910, էջ 22—23. Ср.: La Narratio, p. 209.

⁶⁰ Չիրբա Քաթողոս, էջ 146, 149, 151. Это три документа Двинского церковного собора 604 г.

⁶¹ Չիրբա Քաթողոս, էջ 196. Ср.: ИА, II, 49, с. 276.

ИА автор «Истории 634 года»⁶² пишет, что, увидев доблесть Джеваншира, князя Армении и Иверии задумали отдать ему в жены своих дочерей (в гл. II, 18 то же самое говорится о правителе Атрпатакана), однако князь Албании предпочел жениться на дочери князя страны Сисакаи. Вот то сообщение, на основании которого Ф. Мамедова предполагает политическое подчинение Сюника Мяхранидам. По той же логике выходит, что зависимости от Мяхранидов добивались князья Армении, Иверии и Атрпатакана, поэтому Джеваншир допустил серьезную политическую ошибку, отказав их дочерям. В главе же II, 28 ИА сообщается, что «властелин Юга» (арабский халиф) потребовал от Джеваншира править и над «Сюнестаном» и Атрпатаканом, однако князь Албании отказался самовластно править над вселенной и, решив заботиться только о «родной стране» («գրնասիր»), добился снижения подати. Ф. Мамедова понимает текст источника так, будто отказ Джеваншира касался только Атрпатакана, не заметив, что если под «родной страной» понимать и Сюник, то халифу нечего было бы требовать от князя править над ним. Вспомним также, что именно к этому времени относится сообщение Себеоса о возвращении Сюнийского шахра к Армянскому «шахрхамару», а по данным Орбеляна, во второй половине VI в. в Сюнке правили местные князья Храхат и Йовхан, а не Мяхраниды⁶³.

Таким образом, анализ показывает несостоятельность всех аргументов, на основании которых Ф. Мамедова относит Сюник к Албании. Но проделанный разбор еще и убеждает в том, что она сознательно пошла на подмену двух никак не одновзначных понятий, представив отделение провинции Сюник от Армянского марзпанства как ее вхождение в Албанию. Вряд ли такая подмена могла преследовать научные цели.

Нахчаван и Гохти. В книге особо рассматривается вопрос о вхождении в Албанию этих двух гаваров исторической Армении (ныне на территории Нахичеванской АССР) (с. 108—115)⁶⁴. Специалисту нетрудно понять, сколь неблагоприятную задачу поставила этим перед собой Ф. Мамедова. Ведь о Нахчаване и Гохтне, входивших, по «Ашхарацойцу», в состав провинции Васпуракан, так же как и о других «срединных» областях Армении, есть обширные сведения как почти во всех армянских нарративных и документальных источниках (от «Гахнамака» до «Книги посланий»), так и в сочинениях иноземных авторов, содержащих хотя бы какие-нибудь сведения о царствах или марзпанствах «Армения» и «Албания».

На основании сопоставления данных «Ашхарацойца» и Товмы Арцруни Ф. Мамедова утверждает, что вхождение Нахчавана и Гохтна в Васпуракан имело место в кратковременный период VI—VII вв. (с. 109—110). Допустим⁶⁵. Но почему же на карте 6 (VI—VII вв.) эти гавары показаны в составе Албании, а не Васпуракана, который автор оставляет за Арменией?

Затем на основании сведений Мовсеса Хоренаци Ф. Мамедова пытается представить, будто Нахчаван и Гохти населяли не армяне, а только *мары* (с. 110—111)⁶⁶. Естественно игнорируется то, что сообщения Хоренаци предполагают рас-

⁶² Указывая на обилие в этом источнике преувеличений, противоречий и вымыслов, Н. Адонц ползгал, что это позднее и неаутентичное сочинение (*Ն. Ադոնց. Գիտությունը Մովսես Կապանցու մասին. — Անտիկոն, 1939, № 6, էջ 4—5*). Но К. Каграманян (указ. соч., с. 19) показал, что преувеличения и вымыслы связаны с чрезмерным желанием автора возвысить своего героя.

⁶³ В Л Р И И, 1979, т. 52, էջ 175; О Р Р Ы Г Ш Ы, 1910, т. 14, էջ 52.

⁶⁴ На всех шести картах книги они фигурируют в пределах Албании.

⁶⁵ В действительности, эти гавары относились к Васпуракану в V—IX вв. (см.: Ք. Զ. Հաննիսյանի. Մեծ Հայքի Վասպուրական աշխարհը ըստ «Աշխարհարարի». — «Քննարկ Երևանի համալսարանի», 1983, № 3, էջ 110—139).

⁶⁶ Понятно, что даже если это было бы так, подобный факт никак не связал бы территорию гаваров Нахчаван и Гохти с Албанией.

селение маров на Араксе при Тигране Ервандиде, в то время как заселение всей Армении потомками Хайка историк относит к эпохе, непосредственно последовавшей за эпохой распространения языков после «вавилонского столпотворения». Ф. Мамедова приводит легендарное сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что армянский царь Артавазд отнял от Аждахакидов-маров «Нахчаван и все деревни, лежащие на севере от Ерасха... истребил всех чад Аргамы» (II, 51), не замечая основной аутентичной информации сообщения, а именно, что ко времени историка в Нахчаване не было маров, а были только одни легенды о них. Она приводит сообщение Хоренаци о том, что «гохтанцы суть выходцы, происшедшие от Сисака» (II, 8), не поняв аутентичной информации сообщения, а именно, что в V в. насельники Гохтна считались потомками Хайка, прародителя армян.

Далее «анализируется» сообщение Павстоса Бузанда о том, что в числе многих городов Армении войска Шапура II Сасанида опустошили и Нахчаван, уведя оттуда в Персию 2 тыс. семейств армян и 16 тыс. семейств евреев (IV, 5). «Как видно из текста,—неожиданно заключает Ф. Мамедова,—армянское население в Нахчаване было незначительным, да к тому же нет никаких намеков на то, что город Нахчаван в это время был армянским» (с. 112). Оказывается, что упоминание Нахчавана в числе городов Армении и его 10-тысячного (2 тыс. семейств) армянского населения еще не свидетельствует о том, что у Павстоса это армянский город, и историку следовало сделать еще какие-то намеки.

И, наконец, Ф. Мамедова рассматривает сообщения Корюна о двух этапах проповеднической деятельности Маштоца в Гохтне. Заключение поразительно: «Но из этих фрагментарных данных о проповеди Маштоца в Гохтне все же нельзя сделать никакого вывода о том, что Гохтан—это армянская область, ибо проповедью христианства Маштоц занимался как в Армении, так и в Грузии и Албании» (с. 113). Насколько же нужно отвлечься от данных источников (в том числе и Корюна) о пределах Армянского царства в начале V в., чтобы стала возможной такая логика? Естественно, Ф. Мамедова не заметила и сведения Корюна о том, что именно в Гохтне Маштоц понял, что для укрепления христианства в Армении необходимо создать армянское письмо, что после его создания (405 г.) именно в Гохтн отправился Маштоц, чтобы открыть там первые армянские школы. Конечно, она не предусматривала считаться и с тем, что «проповедью христианства в Албании Маштоц занимался» лишь в 20-х гг. V в., в правление армянского царя Арташеса V.

После подобного «анализа» армянских источников Ф. Мамедова считает необходимым указать на ряд сведений поздних арабских и персидских источников, в которых Нахчаван причисляется к «Азербайджану» (=Атропатене, не к Албании), одновременно замалчивая другие сведения мусульманской же историко-географической традиции, по которым город относится к «Армении» (с. 113). Далее она специально отмечает вхождение территории Нахчавана и Гохтна, начиная с IX в., во владения Саджидов, Саларидов, Абу-Дулафидов, сельджуков, Ильдегизидов и монголов (с. 114), то есть напоминает о тех исторических моментах, которые способствовали сосредоточению в этих областях мусульманского, в том числе тюркского этнического элемента и мусульманизации части местного армянского населения. Нетрудно догадаться, что автор счел вполне уместным посвятить читателя в истинные мотивы своего стремления—вопреки информации первоисточников отделить Нахчаван и Гохтн от древней Армении, выдавая, таким образом, факт вхождения ныне территорий этих областей в Азербайджанскую ССР за аргумент в пользу принадлежности их в древности Албании. Но такая модернизаторская аргументация противоречит принципу историзма и, естественно, не может считаться научной.

Подведем итоги⁶⁷. Из проведенного анализа становится очевидным, что исходные данные монографии взяты выборочно, а трактовка фактов противоречит общенаучным принципам. Основные идеи Ф. Мамедовой поражают своей надуманностью. Они не являются ответами на поставленные в работе вопросы, часть которых представляет собой актуальные научные проблемы.

Представляется необходимым отметить и другое. Обилие всевозможных искажений, оперирование явно ложными фактами и несостоятельная логика многих рассуждений заставляет думать, что автор сознательно пошла на подмену научных принципов, то есть задалась целью навязать читателю заведомо ошибочную концепцию.

Монография задумана как попытка любыми средствами показать территориальную и в определенном смысле этническую идентичность древней Кавказской Албании с современной Азербайджанской ССР (с добавлением ряда районов Армянской ССР). Автор игнорирует очевидную разницу между собственно Албанией (на левобережье Куры) и Албанским марзпанством (на левобережье и правобережье), которое в этнокультурном отношении было уже больше армянским, чем собственно албанским. Ф. Мамедова объявляет албанской областью Сюник (который даже по терминологии средневековых источников был провинцией «Армении»), чтобы включить в Албанию и территорию Нахичеванской АССР. Она пренебрегает современными понятиями этнографической науки и на всей полученной территории видит сложившийся этнос—албанцев, единственного, по ее воле, предка азербайджанского народа. В разделах по исторической географии пропущена такая «мелочь», как состав и границы областей Албании, и все внимание сосредоточено на кардинальной (по идее автора) проблеме—на западных пределах страны, а на картах не показаны даже те изменения этих пределов, о которых имеются случайные обмолвки в тексте. Ф. Мамедова повторяет «концепцию» З. Буниатова, согласно которой армянский католикосат в начале VIII в. уничтожил автокефальность Албанской церкви, заодно—литературу на албанском языке, и «григорианизировал» албанцев. Это при том, что в специальных работах своевременно показаны неаучность и неисторичность этой «концепции», подменяющей сузубо конфессиональный конфликт VII в. этнической рознью и способной только породить негативные чувства по отношению к армянскому народу⁶⁸.

Нельзя, конечно, не заметить, что все это в первую очередь затуманивает реальный процесс образования азербайджанского этноса, представляемый в академической науке как результат консолидации (начиная с XI—XIII вв. на конфессиональной базе и на территории Восточного Закавказья и Атропатены) приш-

⁶⁷ В настоящей статье были проанализированы только наиболее важные тезисы книги Ф. Мамедзон. Остались незатронутыми даже некоторые принципиальные проблемы, освещенные автором на концептуальном уровне и не менее произвольно, в первую очередь, утверждения об этническом континуитете политической власти в Албании и о полной автокефальности Албанской церкви. От повторения ошибочных построений Ф. Мамедовой мог бы предостеречь подробный анализ ее аргументации по вопросам об этнической принадлежности деятелей армянской культуры из правобережной Албании, об армянской государственности аршакидского периода, о текстологической и филологической оценке сочинений Мовсеса Хоренаци и Мовсеса Дасхуранци (по двум последним вопросам отсылаем читателя к недавно вышедшим работам: И. Հակոբյան. Մովսես Կաղանկատվացու «Աղվանից արքայաթիվի» ձևափոխըրը, էջ 110—144; Г. Х. Саркисян. «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1986).

⁶⁸ См.: А. Мнацаканян, П. Севак. По поводу книги З. Буниатова «Азербайджан в VII—IX вв.»—Историко-филологический журнал, 1967, № 1, с. 177—190; К. А. Мелик-Оганджян. Историко-литературная концепция З. Буниатова.—Вестник архивов Армении, 1968, № 2, с. 169—190.

лого тюркского мусульманского этнического массива, мусульман-иранцев и мусульманизированных армян, грузин и собственно албанцев (частично уже иранизированных, арменизированных и картвеллизированных), которые вносили в складываемую азербайджанскую цивилизацию многие элементы своей культуры. С другой же стороны, умозрительная концепция о моноэтническом целом—«Албании-Азербайджане» фактически пренебрегает вековой этнической историей и культурой полумиллионной территориальной группы армянского народа, проживающей ныне в Нагорно-Карабахской Автономной Области и других районах Азербайджанской ССР. И с досадой приходится констатировать, что именно на все это сознательно рассчитывает Ф. Мамедова, которая с непоколебимой верой в практическое значение своей концепции всячески пытается внушить читателю идею о необходимости защиты «Албании, исторического Азербайджана» (с. 4) или же «албанских-азербайджанских земель» (с. 128) от посягательств армянских и грузинских исследователей, первым из которых она приписывает абсурдное утверждение о том, будто «территория Азербайджана в древности располагалась севернее р. Куры, только на левом берегу Куры» (с. 28). Отсюда и болезненное восприятие его работ тех ученых, во мнению которых собственно албанская цивилизация в каких-то параметрах уступала соседним армянской и грузинской.

Наука о древности не оперирует подобными мотивами. Она восстанавливает историю на основании объективного изучения первоисточников и восстанавливает ее такой, какой она была в действительности. С другой стороны, преподносимое учеными научное знание объясняет многие важнейшие моменты современной реальности, в том числе—истоки и историчность этнической смешанности в том или ином регионе. Для каждого народа важно знание не только своей истории, но и истории соседних этносов. Поэтому волюнтаризм в изучении древности, фальсификация самого понятия историзма, будучи уже результатом нездоровых тенденций, не могут быть охарактеризованы иначе, как попытка обмануть собственный народ, внушить ему недостойные идеи, настроить на неверные решения. Истинная наука—основа интернационализма, отступление же от нее средни идеологии, радикально противоположной той, которую исповедуют народы нашей многонациональной страны. Простительно ли такое отступление для советского историка?⁶⁹

⁶⁹ В № 4 «Известий» АН Азербайджанской ССР за 1986 г. (серия истории, философии и права, с. 111—114) напечатана рецензия директора Института истории АН Азербайджанской ССР, члена-корр. АН АзербССР И. Алиева, который «с чувством большого удовлетворения» присоединяется «ко всем основным выводам» монографии Ф. Мамедовой. Более того, он объявляет эти выводы последним словом отечественного албановедения и всего кавказоведения, благодаря которому не остается «камня на камне от гигантской лжеконцепции армянских историков, «получивших от Ф. Мамедовой по заслугам». В свете проделанного выше анализа основных идей книги понятно, что выступление И. Алиева является не компетентной оценкой аргументации «открытий» Ф. Мамедовой, а их голословным превознесением и целенаправленным выгораживанием. Вместе с тем, эта рецензия «глубинной» освещения проблем, характерным принципом аргументации (точнее—отсутствием такового), концептуальным подходом автора и самим стилем изложения представляет собой иллюстрацию той научной среды, в которой возможно порождение по характеру дилетантских, по сути модернизаторских, по целям не имеющих ничего общего с наукой работ, подобных монографии Ф. Мамедовой.

ԿՈՎԿԱՍՑԱՆ ԱՂՎԱՆՔԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋ

(Յ. Մամեղովայի «Политическая история и историческая география Кавказской Албании»

(III в. до н. э.—VIII в. н. э.)» գրքի շուրջ)

Ա. Ա. ՀԱՆՈՐՑԱՆ, պատմ. գիտ. դոկտորներ Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ,

Կ. Ն. ՅՈՒՇԱԲԱՇՅԱՆ (Լեհինգրադ)

Ա մ փ ա փ ա լ մ

Հին և միջնադարյան Աղվանքի (Կովկասյան Ալբանիա) էթնիկական և քաղաքական պատմության առանձին հարցեր առայսօր բավարար լուսարանության շին ենթարկվելու Դա անբարեխիղճ հետազոտողին հնարավորություն է տալիս առաջադրել զանազան մտահայեցողական եզրահանգումներ: Նման հակապատմական մոտեցման արդյունք է Յ. Մամեղովայի «Կովկասյան Աղվանքի քաղաքական պատմություն և պատմական աշխարհագրություն» (Բաքու, 1986) մեխագրությունը: Վերջինիս հիմնական դրույթների բնույթը բերում է այն եզրակացության, որ հնդիակն իր առջև խնդիր է դրել մեզ հասած սկզբնաղբյուրների առավել հավաստի տվյալների և նրանց հետազոտության դիտական մեթոդների աղճատման կամ անտեսման ճանապարհով բապայտացնելու հին Աղվանքի և ներկայիս Ադրբեջանական ՍՍՀ էթնիկական և տարածքային նույնությունը (որոշ հավելումներով): Հողվածում ցույց է տրվում, որ Յ. Մամեղովայի այդ եզրակացությունը հայ ժողովրդի արևելյան հատվածի, բուն աղվանական ցեղերի անմիջական հետնորդների՝ Հարավային Դաղստանի ազգություններ, ինչպես նաև ադրբեջանական ժողովրդի էթնոմշակութային պատմության նպատակամղված խեղաթյուրման հետևանք է: Հողվածում միաժամանակ ամբողջացվում և ամփոփվում են բուն Աղվանքի և Հայաստանի հյուսիս-արևելյան երկրամասերի էթնոքաղաքական պատմության հետազոտության մի շարք կարևոր խնդիրներ: Աղվանքի պատմության ուսումնասիրության այսօրվա մակարդակը թույլ է տալիս ամփոփել հետևյալը. 1. Բուն Աղվանքի թագավորության գոյության ընթացքում (մ. թ. ա. I—մ. թ. V դդ.) նրա կազմի մեջ մտած 26 ցեղերի էթնոհամախմբման (կոնսոլիդացիա) գործընթացի թուլության հետևանքով Կուրի սուրբին հոսանքի ձախափնյակում այդպես էլ էթնոս շեղվելով: «Աղվաններ» ցեղանունը շարժավ էթնոնիմ և մնաց որպես նշված ցեղերի քաղաքական մետաէթնիկ ընդհանրությունը բնորոշող հավաքական անուն: 2. Սասանյան տերության օկուպացիայի ընթացքում և նրա կազմի մեջ Մեծ Հայքի վերացված թագավորության հյուսիս-արևելյան մասեր և Արցախ աշխարհների ընդգրկման հետևանքով մարզպանության անունը՝ ըստ միջնադարյան մտածողության սկզբունքների, տարածվեց նաև Կուրի աջափնյա՝ հայկական տարածքի վրա, ամենևին չփոխելով նրա էթնիկական դեմքը: Ընդհակառակը, վարչակենդանական միևնույն միավորի շրջանակներում Կուրի ձախափնյակի բուն աղվանական և աջափնյակի հայկական բնակչության միջև ընթացած էթնիկ մերձեցումը (ինտեգրացիա) հանգեցրեց միմյալին ձախափնյակի բուն աղվանական բնակչության մասնակի հայացմանը: 3. «Աղվանից աշխարհում» հայ հասարակական կյանքը, կենցաղը, գրականությունն ու արվեստը շարունակեցին զարգանալ որպես միջնադարյան հայ էթնոսի մշակույթի անքակտելի մաս: Ավատատիրական մասնատվածության շրջանում հայ հոգևոր և աշխարհիկ ավագանու որոշ շրջաններում արմատավորված մասնատողական միտումները շխորացան, չհասան համատարած ընդգրկման և հայ էթնոսից ածանցյալ դուստր էթնոսի ձևավորման (էթնոսեպարացիա) չհանգեցրին: